

Брусника

я гляжу на бруснику, чуть давленную, осознавая:
это люди, налитые кровью!..

непонимание
разниц между не даст никогда интеграции.
с молоком материнским различную информацию
пьём – и с разными итерациями,
мотивациями, абберациями
смотрим сквозь, как на ягоды сочные красные.

вроде зла не творишь никому – но в опасности....

вот беру я брусничную ягоду спелую, в пальцах лопнула алым.
какое дело мне,
что она так хотела продолжить быть целою?

красным залит мой стол - то ли ягода, то ли баранья кровь,
то ли центры торговые, вагоны метро
искорёжены, смяты, подобно мечтам непрожитым,

кляксам красным под тонкой брусничной кожей.

Невский

Как прекрасно на Невский случайным залётным гостем,
на Мамаев - немецких туристов четой престарелой...

Ничего не успел,
ничерта не успел,
нихуя не успел, – но
пусть покоятся фото чб
на столе среди хлама.

С трассы влево к ручью, как проедешь – там прямо,
(русло вправо сместилось, размыло из кладбища кости...)

Первый дом из оставшихся целых.

Первый, ближний к дороге в деревню,
крайне редких встречал сарафаном фасада,
там гордились семьёй и землёю – так было надо,
их вина ль, что чужие в разрухе их видят обитель?!

С фоток мёртвые смотрят в глаза, презирая твой «Питер».

Кадры юных с вином по бокалам в парадных -
и Нева, не забывшая вонь трупов смрадных,
как взлетали снаряды, что с взлётных сейчас самолёты.

С фоток мёртвые смотрят и вопрошают:
кто ты?..

Кому марки под дёсны, кто - нового дня скоморохи.

Половодье ручья безучастно смывает останки.

Как прекрасно подняться на Аничков, плюнув в Фонтанку;

Неразмывен гранит лиц на кадрах ушедшей эпохи.

Огромное время

Огромное время. И важно любить его, не боясь
быть смелыми с теми, кто тянет от цели в болотную грязь,
ведь мысли и книги под тусклыми ваттами – всё неспроста.
Мечты, что отчаялись сбыться, в чужие уста
шагнут поцелуем – и, может быть, новая жизнь
за них обретёт и построит свои миражи.

Дороги бегут от меня и смеются над бездной во ржи,
ведя в бессознательного зазеркалье,
к безлюдью границ,
исследуя надписей мудрость на скальных
среди рук, спин и лиц
холстов, получивших живое дыханье.
Смыв лица вельмож,
художник, рисуя, колдует руками –
прочь, пафос и ложь!..

Огонь или лёд?
Время смотрит спокойно, ему одному
неведомы страсти, приведшие к войнам
за свет или тьму;
Огромное, страшное, к звёздному принцу
приходит как ро-
за, что, полюбив, он не сможет забыть, и
волшебной игрой
себя увлекая бесплотным скитальцем
в иллюзий восторг,
он видит кольцо на шипах её пальцев
и - после ничто.

Свинья

Ты, свинья, как я только могла за тебя, как случилось?..
Туповатый, мечты мои вянут цветами с тобою,
и в фантазиях я под бэдбоев, как шлюха, ложилась,
убегая от лжи – и мирясь поэтапно с судьбою.

Вдруг нашла человека, с которым мне стало волшебнo -
но мы просто, как два терапевта, друг друга лечили,
и в безвкусную пресность семей своих острого чили
добавляя, за месяц прочли взрослой жизни учебник.

А затем – вроде то же - но окситоцин начал падать...
Он вначале не понял и плотью своей наготове
продолжал устремляться ко мне. Но зов крови
затихал с каждым днём, растворяя потребность в уютах, -

и малышки улыбка вернула меня в мир привычный,
где всё те же проблемы и паттерны и переносы.
Пусть нет счастья – но часть навсегда пусть останется в личном,
и она, повзрослев, для себя разрешит все вопросы,

как любить наш с тобой истерично-хмельной уроборос,
и оставить любви на своё, и не путать местами...
Это будет – и слёзы, и боль - пусть не скоро,
а пока отдохнём. Мы так дико, безумно устали.

Лицей

графоманы
экспертно оценивают графоманов

девочка из ребра пляшет на барной стойке
я сижу с приятелями пью настойки
субботний вечер нет никаких планов

да я в чём-то завидую полозковой
ничтожество себя продавшее идеально
вера вторая тоже чего в ней такого
поэтки уровня президент навальный

ну как рыбалка серёж? это я степашину
ух ты! ведро графоманов словил на денег уду
ладно саша но
блять оксана ты серьёзно сергей?! отпусти звезду!

рыбоэльфы эти - тебе самому не смешно ли? -
в море книг нахлебавшиеся интертекста
как пешки в верховья доски
вперёд поневоле!

и наступление это
похоже на бегство

Разводы

разводы макияжа
в сахарах тёплых щек
стаканчиков бумажных
иллюзии ещё
нетронутые жаждой
в невысохших сердцах
разводам чёрным важно
растечься вдоль лица
как роммеля колонны
горящие в песках
бесслёзно незаконно
аллюзии в тисках
не окон овертона
а разводных ключей
не наноси урона
тем кто вдруг стал ничей
в разводе оказавшись
упав в песок лицом
по-эмбрионьи сжавшись
уроборокольцом
не совершай ошибку
стирая с лиц платком
сухой песок - не липкий
ты не узнаешь в ком
свечное тело лижет
огня страстей венец
разводы воска ближе
и - точка где конец.

Буквы из слов (тэоп лиж)

Жил поэт – и вдруг не о чем стало ему писать.
А писать, извините, надо!
Как без этого?! Можно писать верлибр:
Метатекст, либо ассоциации детства,

Что-то вещью в вещах и собою в себе и
Наслаждаться, что текст не заходит плебеям,
Но – сложнее, чем бросить курить, бросить рифмы!
Аллен Карр не успел написать ничего про верлибры...

вот придурок но есть же другие пост мета приёмы
исключить пунктуацию буквы заглавные кроме
может где-то дефисов чтоб текст хоть немного читался
подворовее лирику чтобы зашло на районе

но иосиф с борисом не просто же каждый пытался
возвели планку так хоть о стену разбейся башкою
что здесь скажешь ещё?

вот и пьёт наш поэт и уходит в деревни
добровольно, там можно позволить себе запятые,
И заглавными начать строку можно также позволить,
Чередую пост/мета – и мысли классично-простые.

Отдыхает поэт от тусовок, любуясь природой,
Вспоминая о детстве, когда было всё настоящим...

но не может момент отследить как таким стал уродом.
алекс пишет эстер, что буковски закинул им в эго
куль с дерьмом и что мы теперь
буквы из слов
кубы вис волз
лов бук ис зыв
свобы з викул

тэоп лиж.

Электричка (Диане Н.)

девочка едет на электричке
из пункта «молодость» в никуда
болью наполнены поезда
виды за окнами слились в привычку

входит из тамбура с песней уродской
кто-то кто хуже – и ей чуть теплей
вспомнит вдруг как нараспев читал бродский
а за спиною шепталось «еврей!..»

а за стеною бесчисленных вписок -
люди уставшие от пустоты
от чистоты аккуратной без смысла
анной под поезд свои мечты

бросившие как бросают дети
будь им хоть тридцать хоть сорок лет
утром проснёшься а никого нет
пьяные спят – и к окну
шаг до смерти

вид динамичный милей чем статичный
и электрички прекрасней домов
девушка верит – пройдёт само
мантрой «отлично вот только в личном...»

из старой песни
она жива
стук ли колёс руки руль педали
где-то вдали то что недодали
те что бросали ей «ты права...»

женщина едет на электричке
к богу спросить ну чего не так

не отвечает ей главный мудака
хоть и прочёл все стихи ему в личку.

Флаги на башнях

Флагами машут, текут краны башенные
сучками крашеными, – услышь меня, Маша! - я
утренней кашею сны зажую свои страшные,
рожа моя перекошена, мысль – обезбашена;

Девочка страшная, сильно накрашенная,
слушает Летова, Нойза, с глазами уставшими, но
единорогу не место в упряжке на пашне, и
фляги да чаши – с похмелья проснувшись, шарашили;

В сказки ли верили, в детстве читали Каверина,
лучше бы Лондона, Мартином прыгая Иденом
в Темзы свинцовое лоно, без тени сомнения,
молча, уверенно, что где-нибудь после увидимся;

В городе жизни и смерти костями обгорелыми
ринемся в реку – и, смыв липкий страх, станем целыми,
дьявол нам цели дал – но облетели деревья на севере,
как в прошлых жизнях, когда вдоль дороги висели мы;

Поле цветков. Лепестков в каждом – в чётном количестве,
смерть мотыльков – их язычество. Ламп электричество
к ним равнодушно и вовсе им зла не желает, но
каждый решает, за что умирает, снимаясь в кино,
где всё равно, что решили за нас злые взрослые,
где, в основном, пожалеет о сделанном после мы;

К синему морю по грязному Гангу плывут наши кости, но
флаги на башнях поют на ветру лепестками нечётными
и – здесь нет места для злости. Нет места для злости. Нет.

Пророки

Цветы в Венеции далёкой,
прильнув к надгробью пророка,
бьют кулаком анжамбеманов
по мордам глупых графоманов.

Помолимся ж за наши души!
Младенцы, свёрнутые в уши,
в кошмарах слышат лязг пинцетов,
треск ими взрезанной плаценты.

Век кончился давно, а с веком,
как человек за человеком,
ушли недожитые судьбы,
и на скамейке ты и судьи -
двенадцать капель цианида -
теперь решают всё они, да.

Под скальпелем иль под плитою...

Раскритикован *Шепетом*
какой-то непонятный малый
среди прочих интерьеров зала,
как изваяния застывших.

Колоду душ собрав, Всевышний
чуть отдохнув, тасует снова,
даруя шанс пророкам новым.